

братие, почетанье книжное паче всякому хръстьяну»; «всьемь сердцьмь», «разумныма очима» следует воспринимать прочитанное. Поэтому «слово» прежде всего учит внимательному отношению к чтению: «Егда чьтешы книги, то тьшти ся бързо иштисти до другыя главизны, нъ по-разумей, чьто глаголють книги и словеса та, и тришьды обраштяи ся о единой главизне». «Слово» ссылается на жития Василия, Иоанна Златоуста, Кирилла Философа «и инех мьног святых», которые «измлада прилежааху святых книг». Именно этими книгами они «подвигнуша ся на добрая дела»: «начатьк добрым делом поучение святых книг». Стремясь возможно нагляднее представить читателю пользу «книжного почитания», «слово» прибегает к бытовым сопоставлениям, выражая их в форме афоризмов:⁹ «Узда коневы правитель есть и въздържание правьднику же книги»; «Не съставитъ бо ся корабль без гвоздии, ни правьдникъ бес почитания книжьнааго»; «Красота воину оружие и кораблю ветрила, тако и правьднику почитание книжьное». Самое стремление к чтению также изображено с помощью конкретного сравнения: «Яко же пленником ум стоить у родителъ своих, тако и правьднику о почитаньи книжьнемь». Итак, читать «книжьная словеса» надо для того, чтобы творить «волю их, яко же велеть».

Когда в XIV в. слагался из накопившихся к тому времени поучений — по преимуществу на темы христианской этики — Измарагд, составитель его поместил в начале книги группу «слов» «о чтении божественем», о том, как следует «не ленитися книг чести», «како подобает слушати книг», как «оставъ дело, итти к църкви на послушание божественных словес». В эту группу вошло и «слово», осуждающее «не дающих книги чести и преписати».¹⁰ Подписанные иногда именами Иоанна Златоуста, Григория папы Римского, Василия Великого, святого Ефрема, иногда анонимные, эти поучения развивают подробнее мысли «некоего калугера», утверждая также, что следует «не токмо написанная чести, но и творити я» (ч. 1, л. 1),¹¹ пересказывают наставления о внимательном чтении: «Прилежно всем сердцем чти, внимаа и двократы прочитай словеса, а не тьшиа листы и токмо обрашяа, но без лености чти» (ч. 1, л. 1). Составитель Измарагда поместил после первого «слова» «о чтении божественем» общее «Предисловие всем поучением и притчям иже во книгах сих» — толкование евангельской притчи о сеятеле (ч. 1, л. 1 об.). Смысл этого толкования сводится к тому, что «семя», т. е. «учение истинное», лишь тогда приносит «мног плод», когда оно падает «на земли добре» тех «кротких» и «смиранных», кто «делы добрыми тьшашея получитьи жизнь вечную». «Слово святаго апостола Павла, истолковано Иоаном Златоустом и Василием Великим» возражает тем, кто утверждает, будто лишь «чернеческое» дело «еже книг чести», а мирянину оно не нужно (ч. 1, л. 2 об.). «Мы же (т. е. миряне), в велице мятежи и в бури мира сего живуще и многы творяще грехи, достоит ны часто почитающе святыя книги». В доказательство пользы чтения «слово» это приводит древний, античного происхождения афоризм: «Воды бо часто капля-каплюшиа и камень удолит, тако и книги, чьтомы часто, наведут на истинный путь»

⁹ Изборник 1076 г., стр. 151—158.

¹⁰ Измарагд, ч. 1. М., 1912, лл. 1—5 (издание «Московской старообрядческой книгопечатни»; издан текст рукописи бывш. Румянцевского музея № 542, XVI в.).

¹¹ Кирилл Туровский очень близко повторил эту мысль во введении к «Притче о человеческой души и о телеси»: «Да не просто претеемъ языкомъ пишемая глаголюще, но с рассмотрениемъ внемлюще, потщимся деломъ створити я» (И. П. Еремич. Литературное наследие Кирилла Туровского. — ТОДРА, т. XII, М.—Л., 1956, стр. 340).